

"ОПЯТЬ Я В ДЕРЕВНЕ..."

Весной 1861 года Некрасов начал собираться на все лето в деревню, где он думал отдохнуть от тревог нелегкой петербургской жизни. Кроме того, ему, конечно, не терпелось своими глазами увидеть, как теперь живут, узнать, что думают грешневские мужики.

К тому же здоровье его в это время ухудшилось и требовало деревенского воздуха. "Всю нынешнюю весну я болен, месяца полтора тому назад закашлял да и пошел..." - писал он 25 мая Добролюбову, лечившемуся в Италии. Отчасти по этой причине у него явилась мысль купить где-нибудь в ярославских краях небольшое имение, где можно было бы спокойно отдыхать, работать и охотиться. Отец, узнав об этом, предложил в его распоряжение Грешнево (сам он часто жил последнее время в Ярославле), но это было совсем не то, что хотелось сыну. Свои пожелания он изложил в письме к Алексею Сергеевичу так: "Вы знаете, что здесь [т. е. в Петербурге] жизнь моя идет не без тревоги; в деревне я ищу полной свободы и совершенной беспечности, при удобствах, устроенных по моему личному вкусу, хотя бы и с большими тратами. При этих условиях я располагаю из 12-ти месяцев от 6 до 7-ми жить в деревне - и частью заниматься. Вот почему я ищу непременно усадьбу без крестьян, без процессов и, если можно, без всяких хлопот, то есть, если можно, готовую" (16 апреля 1861 года).

Алексей Сергеевич принялся искать такую усадьбу.

Только в середине июня Некрасов приехал в родные места. Он поселился в грешневском доме, и можно не сомневаться, что немало времени провел в окрестных селениях, в разговорах с крестьянами. Некоторое понятие об этом дают стихи, написанные в это лето.

Было у него здесь и общественное дело: еще в 1859 году Некрасов задумал открыть в селе Абакумцеве школу для крестьянских детей. По этому поводу он вел переписку с абакумцевским священником Иваном Зыковым, который должен был стать руководителем будущей школы.

В январе 1861 года Некрасов обратился к ярославскому начальству с таким ходатайством: "Находя полезным открыть в приходе моем, Ярославской губернии и уезда, в селе Абакумцеве (к каковому приходу принадлежат, между прочим, крестьяне отца моего...) училище для обучения крестьянских детей грамоте, необходимой каждому крестьянину... имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить мне привести мое намерение в исполнение". При этом Некрасов сообщал, что он берет на себя все расходы по содержанию училища, освобождает учеников от всякой платы, обещает снабжать их книгами и учебными пособиями и предоставляет право посещать школу всем детям окрестных сел и деревень.

Это начинание поддержал Алексей Сергеевич: он обещал пожертвовать дом в Абакумцеве, необходимый для училища, и сын благодарил его за это.

Ярославская сторона в это лето пришла в движение. В деревнях шли разговоры о недавно объявленной "воле", всюду собирались недовольные, в кабаках и трактирах грамотеи по-своему толковали "Положение"; кое-где вспыхивали восстания, горели леса и усадьбы. Вотчина Алексея Сергеевича Некрасова не составляла исключения. Мы уже знаем, что прямого бунта в некрасовских деревнях удалось избежать только благодаря энергичным действиям мирового посредника, вступившегося за интересы крестьян.

Прибыв в родные места, поэт, конечно, узнал об отчаянных попытках Алексея Сергеевича "затянуть" крепостное право в своих владениях. Он не мог не узнать и о том, что всего за месяц до его приезда грешневский помещик вынудил своих крестьян заключить с ним незаконное условие о продлении крепостных повинностей (не исключено, что именно эта история позднее отразилась в поэме "Кому на Руси жить хорошо", в главе "Последыш"). Неизвестно, какие разговоры вел обо всем этом Некрасов с отцом, как отвечал на его жалобы. Поэт внимательно приглядывался к окружающей его жизни... Позднее он сказал об этом времени:

Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умилении...

Правда, умиление длилось недолго, о чем говорится во многих стихах, но глубокое поэтическое осмысление темы пришло позднее: ей посвящена главная поэма - "Кому на Руси жить хорошо".

Лето в Грешневце было плодотворно для некрасовской музыки. Жизнь среди вчерашних крепостных обогатила поэта свежими наблюдениями и новыми сюжетами, наполнила его стихи живыми красками. В этот пореформенный год он не мог ни думать, ни писать ни о чем, кроме деревни.

Он слишком хорошо помнил недавнее прошлое; приметы рабовладельчества в их наглядном выражении навсегда врезались в его сознание, и он постоянно возвращался к ним в стихах - в поэме "Кому на Руси жить хорошо", в "Медвежьей охоте". Там есть, например, такие строки:

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слышал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?

Близко зная деревню с детства, понимая, что ей еще очень далеко до свободы, он замечал в ней теперь малейшие перемены. Едва ли не первые впечатления этого рода выражены в стихотворении "Свобода" в первых же его строчках:

Родина мать! По равнинам твоим
Я не ездил еще с чувством таким!

Он снова ведет разговоры с мужиками, приглядывается к их настроению, и нельзя сказать, что не было ничего нового в этих настроениях. Уже одно то, что крестьянскую семью теперь нельзя было продать, что помещик лишился права высечь мужика, что можно было жениться, не спрашивая согласия барина, - во многом меняло крестьянский быт. Потому-то ярые крепостники считали, что почва уходит у них из-под ног, и не скрывали недовольства даже куцей реформой. "Плантаторы негодуют", - отмечал Тургенев в одном письме. И мы знаем, что Алексей Сергеевич Некрасов вскоре умер, "не выдержав освобождения", как определил его сын.

Не удивительно, что первые же деревенские встречи породили у поэта мечты о новой участи крестьянина. Об этом и говорится в стихотворении "Свобода":

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! Не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь - останешься век мужиком,
Сможешь - под небо взовьешься орлом!

Иногда думают, что в этих словах преувеличены, приукрашены возможности реформы, что в стихотворении "Свобода" недостает критической ее оценки. Но при этом почему-то забывают, что приведенный отрывок - это только мечты, надежды, фантазии. Сам поэт указывает: "В этих фантазиях много ошибок..." А вслед за тем он дает формулу - свидетельство вполне трезвой мысли:

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. Но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

Он знал - об этом говорят многие другие его стихи, - что деревня не избавилась от экономического закабаления, нищеты и темноты. В более поздних стихах он заявлял об этом не "раз": "В жизни крестьянина, ныне свободного, бедность, невежество, мрак..."

Но он был уверен, что бесчисленные сети, в которых оказалась деревня взамен крепостных сетей, теперь, распутать легче, чем раньше. Отмена крепостного

состояния в известной мере раскрепощала души, поднимала чувство человеческого достоинства, приглушенного вековым рабством. Думается, Некрасов хотел сказать: человеку, опутанному крепостными сетями, труднее было бороться, чем свободному от них. А подлинное освобождение он не мыслил без борьбы - об этом говорит вся поэзия "мести и печали", особенно ее взлет в 60-е годы.

Так прочитываются некрасовские слова "... распутать их легче народу". Смысл их шире, чем кажется на первый взгляд.

Стихотворение "Свобода" оптимистично, в нем нет тех мрачных красок, какими Некрасов обычно рисовал по-прежнему тяжелую крестьянскую жизнь. Вероятно, поэтому он его и не напечатал в "Современнике", - оно могло быть воспринято (особенно благодаря последней строке) как противоречащее той тональности, какая была принята в журнале по отношению к реформе. Стихотворение увидело свет лишь много лет спустя - Некрасов включил его в издание своих стихов 1869 года.

... Внимательно всматривался поэт в открывшуюся перед ним жизнь. Огромный запас новых наблюдений, размышления о прошлом и будущем деревни, об отношениях между мужиками и помещиками, включая собственного отца, - все это пригодилось ему позднее, когда он создавал свою эпопею крестьянской Руси. Теперь же им овладели непосредственные впечатления от сближения с крестьянским миром. Об этом говорят тогда же написанные стихи. В них нет помещичье-усадебной темы, как не было ее год назад в "Деревенских новостях". Собеседников своих он находит в поле, в лесу, в странствиях, в труде. Но теперь в стихах о старых знакомых взамен слова "приятель" появляется слово "друг":

Приятно встретиться в столице шумной с другом
Зимой,
Но друга увидеть идущего за плугом
В деревне в летний зной, -
Стократ приятнее.

Всего несколько слов {На листке бумаги, сохранившемся в архиве Некрасова, рядом с этим наброском записано: "Кругом зелено, поля, природа - и доброе лицо, с печатью благородной честного труда". Это показывает, что и запись и стихотворный набросок сделаны с "натуры".}, но за ними стоит очень многое. Набросок о пахаре-друге открывает новую страницу некрасовской лирики, он как бы служит к ней эпиграфом, подтверждая, что она рождается в общении с деревней - с пахарями, охотниками, коробейниками, крестьянскими парнями, молодухами, ребяташками... Все они стали его друзьями, все заговорили в его стихах живыми, неподдельными голосами. "Похороны", "Дума", "Крестьянские дети", "Коробейники" - вот свидетельства его встреч, бесед и размышлений в летние месяцы 1861 года. Жизнь показана в них глазами самого крестьянства, автор же если и выступает здесь, то не как наблюдатель, а как деятельный участник этой жизни.

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село...

Так начинается рассказ сельского жителя, охотника, рассказ, ставший песней, ибо здесь в самом строе стиха, в его размере словно уже заложена песенная мелодия, Это печальный рассказ о том, как заходящий человек - "молодой стрелок" покончил счеты с жизнью в тех местах, где его успели полюбить все, особенно крестьянские дети. Что привело его к роковому концу - остается неизвестным:

Кто дознает, какую кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною...

Крестьяне, от имени которых ведет рассказ собеседник поэта, не знали, кто был тот, "чужой человек", похороненный ими "под большими плакучими ивами". Они знали только одно: если его любили ребята, значит был человек доброй души. Да и самому рассказчику он никогда не отказывал в порохе. Кое-что о личности стрелка мы узнаем из черновики стихотворения. В начальном варианте он называл себя "ровней" с крестьянами и расспрашивал про их житье, И еще была целая строфа, где о нем говорилось:

А лицо было словно дворянское...
Приносил ты нам много вестей
И про темное дело крестьянское
И про войны заморских царей...

Похоже, что стрелок был одним из тех горожан, к кому крестьяне могли обратиться с вопросом: "Что ты слыхал про свободу?"

Эти немногие штрихи помогают осветить замысел стихотворения "Похороны", однако в окончательном тексте они почти не нашли отражения. Трудно сказать почему. Может быть, поэт стремился не столько прояснить черты самоубийцы, сколько хотел сочувственно обрисовать другую сторону - русскую деревню, как она ему теперь представлялась. Ведь весь эпизод с похоронами незнакомца (вероятно, подлинный случай) дал ему повод поэтически раскрыть одно из светлых начал народной жизни - великую человечность крестьянства: трогательное участие к судьбе "бедного стрелка", мысль о матери погибшего, готовность простить его поступок, хотя он и навлек беду на село ("бог тебе судия"), искренность последних напутствий: "Почивай себе с миром, с любовью!"

Вернувшись в августе в столицу, Некрасов напечатал "Похороны" в сентябрьском номере журнала. Там же он поместил и еще одно стихотворение, привезенное из Грешнева, - "Думу", В этом монологе крестьянского парня раскрывается важная сторона русского народного характера - любовь к труду, мечта о работе.

Тема "Думы" в комментариях объясняется так: отсутствие работы стало после реформы реальным бедствием для многих "освобожденных" крестьян, вынужденных продавать свой труд купцам, предпринимателям и т. д. Может быть, это и в самом деле послужило первым источником стихотворения. Но все же смысл его неизмеримо шире. Этот монолог, начавшийся жалобами на свою "убогую" сторону, недоедание, на пропадающую даром "силу дюжую", превращается в подлинный гимн труду, а затем тот же монолог рисует перед нами образ былинного размаха:

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие,

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки белым инеем
Волоса бы серебрилися!

Вот где избыток скрытой силы, так и рвущейся наружу. Поэт любит эту силу, для него она признак великой души народа, залог того, что он еще распрямит могучую спину. "Где народ, там и стон", - восклицал поэт совсем недавно. Но вот уже не стон, а богатырская песня слышится ему, в устах народа. Значит, нужда и горе не совсем еще придавили крестьянскую Русь. А убедившись в этом, еще пристальнее стал вглядываться в нее Некрасов.

"Дума" - одно из первых "крестьянских" стихотворений, окрашенных новым мироощущением поэта. Будет еще немало в его стихах и гнева и горечи, ибо по-прежнему бедна и горька оставалась жизнь деревни. Но принципиальная новизна стихов этого времени в том, что поэт увидел даже в этой горькой жизни ее сильную и светлую стороны. Вот почему обычная суровость теперь покидала его, когда он обращался к деревне и с доброй улыбкой говорил о ее людях, особенно - о крестьянских детях.

"Крестьянские дети" написаны тем же летом 1861 года в Грешневе (рукопись помечена 14 июля) {Непонятно, почему в некоторых изданиях Некрасова (например, "Полное собрание стихотворений", большая серия "Библиотеки поэта", т. 2. Л., 1967) сначала печатаются "Коробейники", помеченные августом 1861 года, затем стихотворение "20 ноября 1861", а потом уже "Крестьянские дети", явно написанные раньше.}. Здесь автор отделяет себя от своих героев, но делает это их устами:

И видно не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...

А потом он смешивается с толпой крестьянских ребятишек; он ведет рассказ не только о них, но и о собственном детстве, проведенном среди деревенских

приятелей, в грибных набегах, играх и прогулках, а также в разговорах с людьми "рабочего знания", что сновали без числа по большой дороге, проходившей вблизи Грешнева. Недаром их рассказы ("Про Киев, про турку, про чудных зверей"), так запомнившиеся Некрасову, неизменно привлекают внимание биографов поэта к стихотворению "Крестьянские дети": они находят здесь реальные подробности его детских лет.

Стихотворение проникнуто неподдельной любовью и нежностью к детям. "Я замер: коснулось души умиление..." - говорит охотник, увидев детские глаза в щелях сарая. Здесь открылась такая сторона деревенской жизни, какой еще не было в прежних некрасовских стихах, да и в русской лирике вообще. Чистота детской души, поэзия крестьянского труда, воспринятая глазами ребенка:

... Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает...

Жизнь природы, слитая с детской жизнью, - вот о чем заговорил теперь поэт, показавший народный характер в его истоках.

Он открыл светлое начало там, где еще недавно ему виделись только горе и темнота.

Однако Некрасов был далек от всякой идиллии. Разглядев через образы крестьянских детей здоровую основу народной жизни, он ни на минуту не забывал, что деревня по-прежнему в нищете; ере не сбросив окончательно сетей крепостничества, она уже опутана новыми сетями. Потому что даже в одном из самых оптимистических своих стихотворений он не без грусти заговорил о "честных мыслях, которым нет воли":

В которых так много и злобы и боли, В которых так много любви!